

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Л. Дунаев*

ПОНЯТИЯ «СИСТЕМА» И «ПОРЯДОК» В ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Развитие международных отношений на рубеже XX–XXI вв., сопряженное с глобальными социально-экономическими трансформациями и политическими потрясениями, объективно ставит перед учеными-международниками задачу переосмысления устоявшихся теорий, концепций и определений. В то же время во многих отечественных учебных пособиях и научных исследованиях продолжает доминировать традиционный подход к системности в международных отношениях, который восходит к трудам американских ученых-неореалистов. В статье проанализированы основные положения этого подхода и выделены его ключевые недостатки. В качестве альтернативы автор предлагает синтез теоретических концепций английской школы международных отношений, системной теории общества Н. Лумана и синергетики, подчеркивая неправомерность отождествления терминов «система» и «порядок» и необходимость формулирования новых критериев периодизации при преподавании истории международных отношений.

Ключевые слова: теория международных отношений, системный подход, система международных отношений, мировой порядок, неореализм, К. Уолтц, английская школа, синергетика.

Преподавание любого предмета в высшей школе требует соблюдения определенного баланса. С одной стороны, необходимо оперировать проверенными данными, с другой – учитывать новейшие тенденции в науке. Нередко выбор делается в пользу первого, вследствие чего представление о той или иной дисциплине, которое получают студенты в процессе обучения, носит несколько консервативный, если не сказать устаревший характер.

В полной мере эти слова относятся к истории международных отношений, прежде всего к таким важным понятиям, как «система» и «порядок». В вузовских учебниках они нередко отождествля-

---

* Дунаев Александр Львович – к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleksandr.dunaev@gmail.com).

ются; более того, даже необходимость их использования объясняется далеко не всегда. Зачастую приходится сталкиваться с неким стандартным подходом к применению критериев системности в изучении международных отношений, который, впрочем, можно обнаружить не только в учебных пособиях, но и в некоторых научных исследованиях, посвященных как истории международных отношений, так и их состоянию на современном этапе. Приверженцы этого подхода ставят во главу угла безраздельное господство государства на международной арене, анархическую природу международных отношений и принцип «баланса сил», который подразумевает, что основной функцией системы является недопущение установления гегемонии одного государства над прочими. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть истоки такого видения международной реальности, объяснить, в чем заключаются его недостатки, и обрисовать перспективы расширения возможностей использования системного подхода как в преподавании, так и в исследовании международных отношений.

* * *

Начнем с того, что изложенная схема развития международных отношений в исторической ретроспективе не является оригинальной разработкой отечественных ученых-международников, а представляет собой, скорее, переработку неореалистической концепции, которая в наиболее полном виде была сформулирована американским исследователем Кеннетом Уолтцем в книге «Теория международных отношений», изданной в 1979 г. [27]. Позволим себе вкратце изложить предложенную им трактовку системного подхода.

К. Уолтц отталкивается от классического определения системы, которое дал основатель системного подхода Л. фон Берталанфи. В соответствии с ним система представляет собой совокупность взаимодействующих элементов [18, р. 5]. Характеризуя систему международных отношений (СМО) как социальную систему, американский ученый рассматривает ее прежде всего в военно-политических терминах и считает второстепенным воздействие, оказываемое на международные отношения экономическими, социальными и культурными факторами. Основное внимание в своих рассуждениях он уделяет структуре СМО, которая, по его мнению, предопределяет поведение государств и является главным критерием, отличающим систему от простого набора не связанных друг с другом элементов. В концепции К. Уолтца чувствуется влияние эпохи: в 1970-х годах на фоне кризисных явлений в экономике западных стран стали популярны неолиберальные подходы, а один из самых известных представителей этого направления Милтон

Фридман в 1976 г. получил Нобелевскую премию по экономике. Неслучайно характер воздействия структуры системы на акторов К. Уолтц заимствует из экономической теории, сравнивая государства с фирмами, действующими в условиях идеальной конкуренции: разумеется, предприниматели вольны назначать свою цену на товары, но если они хотят добиться успеха, то им придется определять ее в соответствии с требованиями рынка. В мире экономики рынок — это структура, действующая независимо от предпринимателей и совершаемых ими сделок; природа акторов и взаимодействие между ними на структуру не влияет. Схожую функцию выполняет и структура СМО, предопределяющая поведение акторов. К. Уолтц полагает, что текстура международной политики довольно постоянна, модели отношений между акторами воспроизводятся, а события повторяются до бесконечности, поэтому вполне уместно искать системы со схожей структурой в различные исторические эпохи. Ключевым критерием для выявления СМО является анархический характер отношений между акторами, который обуславливает поразительное однообразие международной арены на протяжении тысячелетий. Исходя из подобных представлений, К. Уолтц считает возможным проводить аналогии, например, между Вестфальской системой и СМО, сложившейся в Древней Греции в V—IV вв. до н.э., поскольку в обоих случаях мы имеем дело с анархической моделью отношений между акторами. По сути, международная система в представлении К. Уолтца — это набор независимых взаимодействующих единиц, но из его изложения неясно, любого ли взаимодействия достаточно для того, чтобы можно было говорить о системе.

На Западе неореалистический подход, предложенный К. Уолтцем более 30 лет назад, подвергся серьезной критике. Так, британские исследователи Б. Бузан и Р. Литтл выделили пять его ключевых недостатков. По их мнению, неореалистическая концепция страдает хроноцентризмом и неисторичностью, т.е., с одной стороны, она излишне сосредоточена на современных политических проблемах и потому обращает внимание лишь на те модели международных отношений прошлого, которые напоминают современную, а с другой — пытается придать отличительным особенностям современных международных отношений характер общих закономерностей, действующих в любую историческую эпоху. Неореалистический подход отличается европоцентризмом, поскольку не только не учитывает исторический опыт неевропейских народов, но и пытается его подогнать под европейские рамки. Неореализму также свойственна «анархофилия», т.е. стремление искать в различных эпохах лишь такие модели международных отношений, которые носили анархический характер. Наконец, неореалистиче-

ский подход государствоцентричен и рассматривает СМО прежде всего в военно-политическом ключе, оставляя за рамками деятельность других акторов и не затрагивая прочие сферы взаимодействия между акторами [20, р. 18–22].

Критика со стороны исследователей самых разных научных направлений (неомарксистов, конструктивистов, представителей английской школы международных отношений и др.) привела к тому, что в настоящее время неореалистический подход в трактовке К. Уолтца признан устаревшим большинством зарубежных специалистов-международников. Отказ от него был обусловлен бурными событиями рубежа 1980–1990-х годов, которые поставили под сомнение правомерность применения системного подхода к международным отношениям как такового [17, р. 3–5], поскольку ни одна из существовавших на тот момент системных концепций не сумела предугадать колоссальные по своим масштабам изменения в мировой политике.

Первая и наиболее очевидная трудность, с которой пришлось столкнуться исследователям, — это глубокая трансформация структуры международных отношений, кризис биполярного порядка, обусловленный резким ослаблением СССР и социалистического лагеря в целом. Кульминацией этого процесса стал распад Советского Союза. На мировой арене сложилась уникальная ситуация, когда одна держава — Соединенные Штаты — оказалась намного сильнее всех остальных в военно-политическом отношении. Экономическое лидерство (а США и по сей день остаются крупнейшей экономикой мира) позволяет этой стране тратить на оборонные нужды огромные средства: по данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в 2012 г. на долю США пришлось 39% мировых военных расходов [24, р. 2]. В этих условиях трудно говорить о сохранении равновесия (баланса сил¹), которое после заключения Вестфальского мира было гарантом стабильности системы. Соответственно постулат неореалистов о том, что международные отношения по своей природе анархичны (в упрощенной форме его можно выразить так: нет анархии — нет системы), также стал казаться все более спорным.

Вторая трудность состояла в том, что в рамках неореалистической парадигмы, отдающей приоритет военно-политическому взаимодействию между основными международными акторами, недооценено влияние экономического фактора, заставившего государство сокращать свою сферу деятельности как во внешней, так и

---

¹ Эмери Де Ваттель еще в XVIII в. определил баланс сил как «такое положение дел, при котором ни одна держава не находится в доминирующей позиции, позволяющей ей навязывать свою волю остальным» [19, р. 153].

во внутренней политике. Этот процесс начался еще в 1970-е годы. Мировой экономической кризис и явление «стагфляции» поставили под сомнение кейнсианскую модель экономического развития, и выход из кризиса предполагал отказ от регулирования экономики с помощью административных рычагов, распродажу государственной собственности, сокращение социальных обязательств государства — иными словами, речь шла о замене кейнсианских рецептов стимулирования роста неолиберальными. Следовательно, изменилось и положение государства как международного актора. С одной стороны, приоритет экономических интересов в межгосударственных отношениях и высокая степень взаимозависимости, прежде всего экономической, их участников ограничивали их возможности проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику — государства оказывались скованы принятыми на себя международными обязательствами. С другой стороны, на авансцену мировой политики все настойчивее пробивались новые акторы — межгосударственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК), террористические группы и, наконец, отдельные индивиды. Все эти процессы не укладывались в прокрустово ложе государственноцентричной неореалистической схемы.

Третья трудность заключалась в том, что неореалистические подходы не учитывали целого ряда новых факторов, которые стали влиять на международные отношения в последние десятилетия. На повестку дня встали вопросы, связанные с культурной и религиозной идентичностью. Распространение западных политических и экономических стандартов (демократии, неолиберализма), культурных ценностей (индивидуализма) встречало все более ожесточенное сопротивление в самых разных регионах мира. Так, революция 1979 г. в Иране, свергнувшая прозападно настроенного шаха, установила теократический режим, бросивший вызов как либеральной, так и коммунистической идеологии. На смену традиционному противостоянию по линии Запад — Восток пришло новое деление мира на Север — Юг. Разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными странами продолжал увеличиваться, что усиливало напряженность в отношениях между развитым и развивающимся миром и грозило новыми, непредсказуемыми конфликтами. Пришло осознание глубины экологического кризиса, ответственность за который бедные страны возлагали — и справедливо — на богатые. Все чаще стали высказываться опасения, что экологический фактор может вызвать конфликты нового типа, целью которых будет обретение или сохранение контроля над постоянно сокращающимися жизненно важными ресурсами, например пресной водой. Все это имело следствием появление новых очагов напряженности на меж-

дународной арене, которые невозможно было учесть в рамках традиционных подходов. Такие фундаментальные для предшествующих исторических эпох категории, как, например, «баланс сил», не могли отразить всю полноту изменившейся картины мира и нуждались в глубоком переосмыслении.

Однако во многих отечественных работах и учебниках по международным отношениям эти изменения отражения не нашли. Их авторы по-прежнему придерживаются неореалистического подхода, пусть и в несколько переработанном виде.

Далее мы опишем основные недостатки, свойственные работам такого рода, и предложим пути их преодоления.

Первый недостаток заключается в том, что остается неясным, какой именно смысл вкладывается в само понятие «система». Например, А.С. Медяков [8] и А.В. Ревякин [11] ограничиваются тем, что пишут о складывании «системы европейских государств», не поясняя, что это такое.

Применительно к международным отношениям нам представляется верным определение системы, предложенное Б. Бузаном и Р. Литтлом: международные системы — это крупные конгломераты *взаимодействующих или взаимозависимых элементов* (курсив наш. — А.Д.) [20, р. 69]. В этой формулировке есть два ключевых понятия — «элемент» и «взаимодействие». На наш взгляд, говорить о смене системы можно тогда, когда меняются элементы или формы взаимодействия между ними или же и то, и другое.

В роли элементов СМО выступают акторы, т.е. «любое действующее лицо, которое принимает активное участие в международных процессах» [16]. На протяжении последних пяти столетий сначала в Европе, а затем и в остальном мире, втянутом в европейскую СМО, доминирующим типом актора на международной арене было централизованное государство. В течение этого времени оно претерпело значительные изменения, однако и в XVI, и в XX в. обладало суверенитетом, т.е. владело определенной, четко очерченной территорией, осуществляло контроль над проживавшим на ней населением при помощи разветвленного деперсонифицированного бюрократического аппарата, пользовалось монополией на применение насилия на данной территории, а его независимость и право на невмешательство в его внутренние дела признавались другими политическими образованиями такого же типа.

Взаимодействие между государствами осуществлялось в различных сферах (военно-политической, экономической, социальной, культурной) [20, р. 73–74]. Значение каждой из них менялось (в частности, с течением времени постоянно возрастал вес экономического взаимодействия), однако ведущей сферой была военно-политическая, в рамках которой государства боролись за влияние

военными или дипломатическими методами. Иными словами, в период с XVI по вторую половину XX в. не менялся ни ведущий тип элемента СМО, ни основная сфера и формы взаимодействия между акторами, поэтому, как нам кажется, система оставалась одной и той же на всем протяжении этой эпохи.

Неореалистический подход признает право на существование только за анархической моделью СМО. Однако отношения, выстраивавшиеся по иным принципам, также можно анализировать, исходя из системного подхода. Такую попытку предпринял британский исследователь Адам Уотсон в книге «Эволюция международного общества. Сравнительный исторический анализ» [28]. По его мнению, на основе анализа истории международных отношений можно выделить не только анархическую, но и иерархическую, или имперскую, модель. В ней имеется один ярко выраженный центр силы, от которого в большей или меньшей степени зависят другие элементы. Чем дальше элемент находится от ядра, тем слабее выражена его зависимость. Иными словами, модель имеет своего рода концентрическую структуру. В центре располагаются территории, которыми власть управляет непосредственно. Далее следует зона доминиона, где имперская власть осуществляет внутреннее управление элементами, сохраняющими формальную независимость. За ней расположена зона сюзеренитета, элементы которой находятся в политической зависимости от центра. Еще дальше лежит зона гегемонии, для элементов которой имперский центр устанавливает правила игры и следит за их исполнением, не вмешиваясь, однако, во внутренние дела элементов. Наконец, за пределами этой зоны находятся независимые государства, которые способны принимать самостоятельные решения во внутри- и внешнеполитической области. Разумеется, эта их свобода ограничена обязательствами, которые государства берут на себя для более успешного ведения внешнеполитической деятельности [28, р. 13–18].

Такая модель международных отношений была свойственна всем империям Древности и Средневековья — по образному выражению А. Уотсона, на исторических картах их территории следовало бы закрашивать не однотонно, как это обычно делается, а цветом, который утрачивал бы насыщенность по мере удаления от центра. В качестве иллюстрации этой модели мы можем привести пример китайской концентрической системы, устанавливавшейся тогда, когда стране удавалось преодолеть очередной период раздробленности и власть сосредотачивалась в руках новой императорской династии, например Тан (618–907), Мин (1368–1644) или Цин (1644–1911).

В центре этой системы находился сам Китай, или конгломерат территорий, непосредственно управляемых императорскими чиновниками. Затем следовала полоса буферных государств, правители которых должны были заручиться поддержкой императора. Ки-

тай считал возможным вмешиваться во внутренние дела этих стран, если возникала какая-либо угроза его интересам. К их числу относились, например, Корея и Вьетнам. Далее располагались страны, признававшие сюзеренитет императора, регулярно платившие ему дань и отправлявшие в Китай посольства. Наконец, последний круг составляли народы, которых китайцы считали варварами, поскольку они не платили дани; однако в том случае, если они становились данниками императора, Китай принимал их в свою систему. Дань была формой признания соседними странами превосходства Поднебесной империи и одновременно свидетельствовала о том, что Китай признает сам факт их существования. Именно по этой причине Китай отказывался устанавливать связи с европейцами: они не желали становиться данниками императора. В Восточной Азии такая модель отношений считалась настолько естественной, что когда в конце XVI в. Япония стала единой страной и вышла из китайской системы, она попыталась создать такую же модель вокруг себя. По замыслу правителей Японии Тоётоми Хидэёси (1582–1598) и Токугавы Иэясу (1603–1605, фактически до 1616 г.), в состав японской концентрической системы должны были войти Корея, о. Хоккайдо, о-ва Рюкю и Филиппинский архипелаг [26, р. 329–333].

А. Уотсон предлагает своего рода шкалу, крайними точками которой являются империя и анархия. СМО может располагаться ближе к одной или к другой точке. Основное внимание он уделяет гегемонии, которую считает наиболее устойчивой формой международного порядка. Британский исследователь высказывает оригинальную гипотезу, построенную на метафоре маятника, который качается от анархии к империи и центральной точкой в движении которого является гегемония. Движет этим маятником постоянное напряжение между стремлением политических сообществ к порядку, проще всего достигаемому в рамках империи, и желанием независимости, которую легче обрести в условиях анархии. При таком подходе стабильность возможна лишь тогда, когда система трансформируется в международное общество, которое основывается на правилах и институтах, исходящих из общих идей и теорий². Природа этих общих принципов обусловлена особенностями социальной структуры элементов, входящих в данную систему, и определяет «зону комфорта» международного общества: напри-

---

² Под термином «международное общество» ученые английской школы международных отношений подразумевают «группу государств (или, шире, группу независимых политических сообществ), которые не просто образуют систему в том смысле, что поведение каждого должно приниматься в расчет остальными, но также путем диалога устанавливают общие правила и институты, определяющие их отношения, и признают, что соблюдение этих договоренностей отвечает их общим интересам» [19, р. 76–79].

мер, в Европе она находится ближе к анархии, а в Восточной Азии – к империи.

Второй недостаток связан с тем, что практически не учитываются новые теоретические концепции, авторы которых стремятся найти методы эффективного применения системного подхода в социальных науках.

Ключевой из них является системная теория общества, разработанная в 1980–1990-е годы немецким социологом Никласом Луманом [4; 5]. Он предлагает использовать противопоставление «система – окружающий мир» вместо привычного деления на целое и частное. Границу, отделяющую систему от окружающего мира, она определяет сама. Система вовсе не должна быть равновесной для стабильного существования. Равновесие часто отождествляют со стабильностью, однако это далеко не всегда оправданно. В качестве примера Н. Луман ссылается на концепцию антиравновесия, предложенную венгерским экономистом Яношом Корнаи, в соответствии с которой экономические системы капитализма и социализма могли быть стабильными только тогда, когда в них отсутствовало равновесие, т.е. при дефиците товаров и избытке покупателей (социализм) или дефиците покупателей и избытке товаров (капитализм) [23].

Н. Луман отмечает, что чисто теоретически система может быть открытой или закрытой. Казалось бы, закрытая система должна быть равновесной и стабильной, ведь на нее не действуют внешние силы. Однако, согласно второму закону термодинамики, в закрытой системе происходит нарастание неупорядоченности или энтропии, которая приводит к тому, что все различия внутри системы стираются, т.е. она постепенно переходит к состоянию хаоса и разрушается. В мире живых существ закрытых систем не найти, ведь любое животное взаимодействует с окружающей средой и не может не испытывать ее влияния и не влиять на нее само, каким бы ничтожным это влияние ни было. Осознание этого факта послужило основой для разработки теории открытых систем, которые характеризуются наличием отношений обмена между системой и средой, что позволяет избежать энтропии. Биологические системы обмениваются энергией, а социальные – информацией.

Однако, пишет Н. Луман, тот факт, что все системы открыты, не означает их способности функционировать совершенно произвольно. Системы вообще довольно автономны по отношению к окружающей их среде и в большинстве случаев могут сами выбирать, на какие вызовы отвечать. Отклик системы на внешние вызовы зависит от ее внутреннего состояния. Каждой системе присущ определенный набор операций; она не может импортировать операции из окружающего мира: например, человеческий орга-

низм не способен заимствовать операции у автомобиля. Оперативную закрытость системы можно проиллюстрировать на примере конфликта: по сути, конфликт — это высокоинтегрированная система с крайне ограниченным набором операций. В системе, пишет Н. Луман, нет ничего, кроме ее собственных операций, которые служат двум целям: формируют структуры системы и позволяют ей определить свое состояние.

Под понятием «структура» в концепции немецкого ученого подразумевается ожидание того, какие операции будет совершать система. Она не статична и развивается во времени. Будучи неспособной заимствовать операции извне, она наблюдает за самой собой и может совершенствовать присущие ей операции и разрабатывать новые. Для обозначения этого явления Н. Луман применяет термин «аутопойезис»³, позаимствованный им у чилийских биологов Умберто Матураны и Франсиско Варелы [7]. В качестве примера аутопойезиса в живых системах они приводили биологическую клетку, наделенную способностью к самоорганизации и саморазвитию. Если же система структурно несовместима с внешним миром, то она разрушается, поскольку обладает лишь ограниченными возможностями выживания в окружающей среде.

Ключевой операцией социальной системы, с точки зрения Н. Лумана, является коммуникация, работающая не со всей информацией, доступной системе, а лишь с той ее частью, которая ей необходима. Этот отбор Н. Луман называет редукцией комплексности. Критерий, на основе которого происходит отбор информации, — смысл, или медиум. Коммуникация создает определенную идентичность системы, которая становится для последней обязательным условием выживания: если система теряет идентичность, то она разрушается и возвращается в окружающий ее мир.

На наш взгляд, предложенная Н. Луманом концепция вполне подходит для изучения системности в международных отношениях. СМО, как и другие системы, выделяет себя из окружающего мира — в ее границы включаются образования, отвечающие определенным критериям. Так, для полноправного вхождения в европейскую СМО, распространившуюся в XX в. на весь мир, та или иная общность должна была быть организована в форме государства и располагать атрибутами суверенитета. Во второй половине XX столетия процесс деколонизации привел к резкому увеличению числа участников СМО, а необходимым этапом на пути к полноправному признанию в таком качестве было вступление страны в ООН. СМО — это открытая система, испытывающая влияние со стороны окружающего мира и других систем, например

---

³ Poiésis (греч.) — действие, направленное на то, чтобы что-нибудь произвести.

экономической. Так, в 1930-е годы экономические трудности, с которыми столкнулись ведущие акторы, привели к эскалации напряженности в международных отношениях и в конечном итоге стали одной из ключевых причин начала Второй мировой войны. В 1980-е годы экономические неурядицы вызвали тяжелейший кризис в СССР, распад которого положил конец существованию биполярного порядка.

СМО также присуща способность к самонаблюдению и саморазвитию. В качестве примеров можно привести создание Лиги Наций после Первой мировой войны, Бреттон-Вудских институтов и ООН в ходе и после Второй мировой. Все эти международные организации преследовали цель не допустить повторения такого разрушительного конфликта, который поставил бы под угрозу дальнейшее существование системы. Разрыв связи между ее равновесностью и стабильностью может служить еще одним аргументом в пользу рассмотрения иерархических моделей, в которых отсутствует баланс сил.

Помочь в исследовании динамики системы может также обращение к достижениям синергетики — научной дисциплины, разработанной немецким физиком-теоретиком Германом Хакеном во второй половине 1970-х годов и получившей развитие в трудах отечественных ученых Н.Н. Моисеева [9], С.П. Курдюмова [3] и др. Исследователи, работавшие в этой области, отошли от жесткого причинно-следственного подхода, свойственного позитивизму, и сделали выбор в пользу подхода нелинейного. Как и в концепции Н. Лумана, в синергетике системы рассматриваются как открытые и способные к саморазвитию и самоорганизации. Развитие систем определяется как непрекращающийся сложный процесс, протекающий от одной точки бифуркации (т.е. момента, в котором перед системой открываются несколько возможных путей дальнейшего движения) к другой. Образно выражаясь, система в точке бифуркации уподобляется витязю из народных сказок, который, оказавшись на распутье, должен решить, по какому пути ему следует идти дальше [3, с. 94]. В области международных отношений можно найти немало примеров подобных ситуаций, особенно в экстремальных условиях, предшествующих началу крупного конфликта, такого как Первая или Вторая мировая война.

Выбор направления дальнейшего движения в значительной степени определяется случайностью; обстоятельства, сложившиеся в конкретный момент, обуславливают его в большей степени, чем память о предыдущих операциях, совершенных системой. Иными словами, развитие системы носит нелинейный характер, а значит, может неожиданно менять направление. Кроме того, система может входить в режимы с обострением, в рамках которых

присущие ей процессы протекают со все возрастающей скоростью [3, с. 80–82]⁴.

Для изучения международных отношений могла бы оказаться полезной выдвигаемая синергетическая концепция хаоса. В отличие от традиционных представлений, в соответствии с которыми хаос является синонимом разрушения и отсутствия порядка, в синергетике он рассматривается как конструктивное начало в процессах самоорганизации. Хаос лежит в основе объединения простых структур в сложные и может выступать как механизм перехода от одной относительно устойчивой структуры к другой. В экономике примером такого созидательного хаоса является рынок. Если же мы перенесем эту концепцию в область истории международных отношений, то к хаосу можно относить эпохи перехода от одной системы к другой. Так, созидательно хаотичными можно считать XVI–XVII вв., когда происходило становление централизованных государств, которые стали ключевыми акторами международных отношений Нового и Новейшего времени, или современную эпоху, характеризующуюся как увеличением количества самих государств, так и появлением новых типов акторов.

В российской науке о международных отношениях уже были предприняты интересные попытки применения синергетического подхода. Так, Д.М. Темников предложил рассматривать события 11 сентября 2001 г. в качестве одной из точек бифуркации на пути формирования нового мирового порядка. По его мнению, террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне представляют собой «явление стихийного характера, показывающее, что рационально направляемое начало вступило в противоречие со стихийным развитием системы». Под рационально направляемым началом ученый понимает движение СМО в сторону большей институционализации международных отношений, а стихийным фактором, противодействующим этой тенденции и привносящим «хаос» в систему, в данном случае выступает международный терроризм [14].

Третий недостаток состоит в том, что зачастую не проводится никакого различия между терминами «система» и «порядок». Так, в своем учебнике по истории международных отношений 1918–1939 гг. А.Ю. Сидоров и Н.Е. Клейменова дают СМО такое определение: «Система международных отношений (международный порядок) представляет собой конкретно-историческую, устойчивую форму по-

---

⁴ Примером такого режима может служить рост населения Земли. На рубеже нашей эры на планете проживали около 250 млн человек. Эта цифра удвоилась, достигнув отметки в 500 млн, к началу XVI в., т.е. через 1500 лет. Следующее удвоение произошло около 1804 г., т.е. уже за 300 лет. Порог в 2 млрд человек был преодолен около 1927 г., или через 120 лет, а 4-миллиардный житель планеты родился около 1975 г., т.е. очередное удвоение произошло всего за 50 лет [25].

литической организации международных отношений, которая закрепляется в договорах и соглашениях и отражает как соотношение (баланс) сил, так и специфику отношений между входящими в систему государствами» [13, с. 17]. В дальнейшем оба термина авторы используют как синонимы. Например, о политическом устройстве в Европе после Первой мировой пишут следующее: «Новый европейский порядок, созданный победителями после войны, получил название Версальской системы международных отношений» [13, с. 79]. С этим подходом соглашаются и другие исследователи [12, с. 131; 6, с. 40].

На наш взгляд, такое смещение понятий ошибочно. В целом их отождествление соответствует анархической модели СМО и подразумевает простую связку: если система и порядок — это, по сути, одно и то же, то в отсутствие порядка нет и системы. Тем самым резко сужаются возможности применения системного подхода — мы снова возвращаемся к ситуации, когда системность в международных отношениях, по большому счету, сводится к ограниченному числу примеров, а именно к Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской системам. Это означает, что невозможно рассматривать с системной точки зрения ни эпоху Великих географических открытий, ни период, начавшийся после краха биполярного порядка, ни уж тем более международные отношения во времена европейского Средневековья или за пределами Европы.

Расширить поле использования критериев системности в истории международных отношений можно лишь в том случае, если понятия «система» и «порядок» будут четко разграничены. Ранее мы отмечали, что система представляет собой совокупность взаимодействующих элементов. Под порядком же, по нашему мнению, следует понимать международно-правовое оформление СМО в конкретный исторический период; иными словами, порядок — это комплекс норм и правил, которые должны уважать участники международных отношений. Он формулируется в условиях некоей угрозы, реальной или воображаемой, либо после масштабной войны, периода напряженности или катастрофы, а в его основе лежат общие ценности и конфигурация сил, сложившаяся на международной арене в момент его создания⁵. Акторы, принимающие участие в формировании нового порядка, создают институты, необходимые для решения споров и

---

⁵ А.Д. Богатуров включает в понятие «международный порядок» такие элементы: «а) наличие признаваемой иерархии между субъектами международных отношений, включая и государства, и новые субъекты международной политики; б) совокупность принципов и правил внешнеполитического поведения; в) система принятия решения по ключевым международным вопросам, включающая в себя механизм представительства интересов низших участников иерархии при принятии решений на высших ее уровнях; г) набор морально допустимых санкций за их нарушения и механизмов применения этих санкций; д) формы, методы и приемы реализации принимаемых решений — режим реализации международного порядка» [1].

предотвращения масштабных конфликтов. Например, после наполеоновских войн сложился «европейский концерт» держав, объединенных общими целями, и появился Священный союз, члены которого регулярно собирались на конгрессах для обсуждения наиболее животрепещущих международных вопросов.

На начальном этапе своего существования порядок обеспечивает стабильность системы, однако он не очень долговечен в историческом плане, поскольку отражает решение определенной критической ситуации. С течением времени условия, породившие порядок, меняются, все большее значение приобретают новые факторы, которые не могли быть учтены его создателями, в результате чего наступают кризис порядка и его отмирание. Таким образом, Вестфальский мирный договор 1648 г., решения Венского конгресса 1815 г., Версальской и Вашингтонской конференций 1919–1920 и 1921–1922 гг., Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. представляли собой оформление новых порядков современной СМО, а не отдельные, самостоятельные системы.

Четвертый недостаток — это часто встречающееся хронологическое деление истории международных отношений в Новое и Новейшее время. Традиционно считается, что первая СМО в Европе сложилась в результате заключения Вестфальского мира. В рамках исторической концепции, господствовавшей в советской историографии, это хронологически коррелировало с началом эпохи Нового времени, которую отсчитывали от Английской буржуазной революции 1640–1660 гг. (впрочем, и эта связка выглядит искусственной хотя бы потому, что охваченная революционными потрясениями Англия Вестфальского договора не подписывала). Теперь же, когда и в отечественной науке общепризнанной датой начала Нового времени считается рубеж XV–XVI вв., полуторавековой разрыв между ней и появлением европейской СМО и вовсе необъясним.

Сам выбор договоров, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 г., в качестве документов, которые заложили основы новой СМО, представляется далеко не столь очевидным. Как пишет профессор Т.В. Зонова, «с исторической точки зрения, говоря о Вестфале, вероятно, следует признать, что 1648 год не является отправной точкой современной системы международных отношений. На самом деле речь идет об одном из этапов (пусть весьма важном и судьбоносном) на пути становления этой системы» [2]. Немецкий специалист в области теории международных отношений Бенно Тешке, придерживающийся марксистских взглядов, отмечает, что признание Вестфальского соглашения документом, положившим начало новой СМО, полностью игнорирует исторический и социальный контекст, в котором оно подписывалось, и полагает, что «1648 г. не означал создания принципов международного публич-

ного права путем признания внутреннего и внешнего суверенитета подписавшихся сторон; он устанавливал систему коллективной безопасности, которая попыталась “заморозить” правовой, конфессиональный и территориальный status quo, выгодный двум державам-победительницам — Франции и Швеции. <...> В действительности договор не устранил универсалистские/иерархические претензии на международную власть, а заново узаконил европейскую политику, создав ее специфическую привязку к германским землям» [15, с. 352]. По мнению Б. Тешке, Вестфальский договор — продукт своей эпохи, когда отношения собственности еще носили докапиталистический характер и предопределяли специфическое понимание суверенитета, характеризуемого автором как «королевский собственнический»: «собственническая природа государственной территории превратила ее в обмениваемое имущество, входившее в состав династических состояний <...> собственническая государственность предполагала регуляцию современных отношений между акторами в рамках хищнического династицизма и личных отношений. Мирные Вестфальские договоры — по своим целям, языку и результатам — оставались погруженными в ту геополитическую конфигурацию» [15, с. 354].

Впрочем, это не единственная хронологическая проблема, встречающаяся в отечественных учебниках и работах по истории международных отношений. Так, выделение 1648 и 1815 гг. в качестве хронологических границ Вестфальской системы подразумевает, что правила, по которым играли основные международные акторы, оставались неизменными в течение всего этого периода. Между тем трудно оспорить тот факт, что эти правила претерпели существенные изменения и в 1713–1714 гг. в результате заключения Утрехтского, Раштаттского и Баденского мирных договоров, завершивших войну за испанское наследство, и в 1763 г., когда были подписаны Парижский и Губертусбургский договоры, положившие конец Семилетней войне. Еще более спорным выглядит включение в рамки одной системы периода с 1815 по 1918 г. Такой подход не учитывает ни распада «европейского концерта» в 1850-е годы в связи с «весной народов» и Крымской войной, ни появления новых национальных государств — Италии и, прежде всего, Германии, ни складывания военно-политических блоков Антанты и Тройственного союза на рубеже XIX–XX вв. Эпоха Меттерниха и Каслри так же мало походила на времена Бисмарка, как эпоха Людовика XIV — на времена Великой французской революции.

На наш взгляд, неверно привязывать начало нового порядка исключительно к подписанию какого-либо соглашения. В определенные исторические моменты возникали порядки, которые не были зафиксированы во всеобъемлющих международных догово-

рах, но отличались и от предшествующей, и от последующей эпохи. В качестве примера можно привести период, начавшийся в 1860-е годы и продолжавшийся до Первой мировой войны. В отечественной науке его нередко относят к Венскому порядку, что, с нашей точки зрения, неправильно. Венский порядок основывался на принципах легитимизма, равновесия, был направлен на борьбу с революционной угрозой и подразумевал сотрудничество ведущих держав в решении общих проблем. Вторая половина XIX столетия и начало XX в. — это эпоха национализма, «реальной политики» и постепенного формирования военно-политических блоков, конфронтация между которыми вылилась в Первую мировую войну. Изменилась и структура международных отношений в Европе. На протяжении долгого времени она выстраивалась по схеме «сильные фланги — слабый центр», которая окончательно сложилась после того, как в результате Тридцатилетней войны потерпела крах попытка Габсбургов превратить Священную Римскую империю в наследственное абсолютистское государство [15, с. 351]. Во второй половине XVII в. в роли фланговых держав выступали Франция и Швеция. В начале XVIII в. Вторая Северная война привела к ослаблению Швеции и возвышению России, а война за испанское наследство вывела в число ведущих игроков на европейской арене Англию. Фланговые державы могли меняться, но центр Европы оставался раздробленным на сотни мелких государств, значительная часть которых до 1806 г. входила в весьма аморфную Священную Римскую империю. В 1871 г. на смену этой традиционной схеме пришла новая конфигурация, в которой был мощный центр — Германская империя. Она оказалась менее устойчивой, чем прежняя: со структурной точки зрения наличие сильного центра в Европе послужило одной из причин двух мировых войн⁶. Таким образом, самостоятельность периода, продолжавшегося с 1860-х годов до Первой мировой войны, очевидна.

---

⁶ Отметим, что проблема слишком сильной для Европы Германии оставалась и после 1945 г. Можно вспомнить, какие опасения в конце 1980-х годов у французов и англичан вызвала перспектива объединения Германии. Так, 30 ноября 1989 г. президент Франции Ф. Миттеран в разговоре с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером утверждал, что если позволить Германии объединиться, не обязав ее вступить в Европейский валютный союз, то «мы вернемся в мир 1913 года»; в декабре 1989 г., обсуждая эту же тему с британским премьер-министром М. Тэтчер, Ф. Миттеран высказывал опасения, что он и премьер-министр окажутся в той же ситуации, что и их предшественники в 1930-е годы, которые не сумели должным образом отреагировать на постоянное давление со стороны немцев [21]. Скептически к идее объединения Германии относилась и М. Тэтчер, которая писала в своих мемуарах, что «объединенная Германия слишком велика и могущественна, чтобы быть просто игроком на европейском поле. <...> По природе своей Германия представляет собой на континенте силу не стабилизирующую, а дестабилизирующую» [10, с. 205].

Разумеется, возникает сложность с обозначением такого рода периодов. Их можно было бы называть недоговорными порядками, поскольку им не предшествовали крупные международные конгрессы или конференции, на которых вырабатывались договоры, закладывавшие новые принципы международных отношений на десятилетия вперед. Отметим, что недоговорные порядки складываются всякий раз, когда происходят значительные изменения в социально-экономической сфере. Так, рубеж XV–XVI вв. — это начало формирования мировой экономической системы благодаря Великим географическим открытиям и быстрого развития капиталистических отношений в Европе; середина XIX в. — становление индустриального общества в континентальной Европе; последняя четверть XX в. — глобализация и переход к постиндустриальной экономике.

Наконец, *пятый недостаток* указанных работ заключается в том, что положение о повторяемости анархической модели игнорирует социальные и экономические трансформации, которые переживают акторы и сферы взаимодействия [22], а ведь именно эти изменения привели к модификации основных параметров современной СМО, остававшихся неизменными на протяжении нескольких столетий. С одной стороны, интенсивность взаимодействий в рамках системы постоянно возрастала, в результате чего войны, являвшиеся традиционным методом выяснения отношений между ведущими акторами, становились все более ожесточенными. Появление ядерного оружия в середине XX в. обесмыслило саму идею применения всего арсенала военных средств для решения внешнеполитических задач, поскольку результатом такого конфликта было бы полное уничтожение всех его участников. С другой стороны, развитие взаимодействия за пределами военно-политической сферы создало настолько прочные экономические и социокультурные связи между основными акторами, что приоритетом для государств стало их сохранение, а не стремление добиться для себя более благоприятных условий путем применения военных средств. Сотрудничество между государствами привело к появлению множества межгосударственных организаций, а в результате развития мировой экономики возникли новые акторы в экономической сфере — транснациональные корпорации.

К концу XX в. сложилась качественно новая ситуация: резко увеличилось число государственных акторов; появились акторы нового типа, которые оказывают все более заметное влияние на международные отношения; экономическая сфера взаимодействий, значение которой неуклонно возрастало на протяжении всей истории современной СМО, заметно потеснила военно-политическую. Эти факторы позволяют выдвинуть предположение о том, что на наших глазах выкристаллизовывается новая система

международных отношений, отличительными чертами которой будут множественность типов акторов и приоритет экономических связей над военно-политическими.

Таким образом, сам характер современных международных отношений, претерпевших кардинальные изменения за последние несколько десятилетий, требует пересмотра доминирующего и по сей день в учебниках и многих научных работах представления о системности. Системный подход, который в последние годы активно разрабатывался в целом ряде как зарубежных, так и отечественных исследований, позволяет комплексно анализировать международные отношения в прошлом и настоящем и предоставляет необходимые инструменты для того, чтобы формулировать прогнозы их развития в обозримом будущем. Более полное использование достижений такого подхода в учебном процессе дало бы возможность повысить качество подготовки будущих российских специалистов-международников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок [Электронный ресурс] // Международные процессы [Онлайн]. 2012. Т. 10. № 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm> (дата обращения: 05.06.2013).
2. *Зонова Т.В.* Вестфальская система [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО – Университета [Онлайн]. 2008. № 1. URL: <http://www.mgimo.ru/files/62813/62813.pdf> (дата обращения: 05.06.2013).
3. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
4. *Луман Н.* Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
5. *Луман Н.* Общество общества. Т. 1. Общество как социальная система. М.: Логос, 2011.
6. *Манькин А.С.* Системность в международных отношениях. Содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 39–77.
7. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
8. *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007.
9. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
10. *Полынов М.Ф.* М.С. Горбачев и объединение Германии [Электронный ресурс] // Новейшая история России [Онлайн]. 2011. № 1. URL: http://history.spbu.ru/userfiles/Polynov_01.pdf (дата обращения: 05.06.2013).
11. *Ревякин А.В.* История международных отношений в Новое время. М.: РОССПЭН, 2004.
12. *Сетов Р.А.* Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010.

13. *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2008.
14. *Темников Д.М.* Синергетический подход к анализу международной политики. Опыт адаптации понятий [Электронный ресурс] // Международные процессы [Онлайн]. 2012. Т. 10. № 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm> (дата обращения: 05.06.2013).
15. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: ВШЭ, 2011.
16. *Цыганков П.А.* О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 1. Актеры в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО, 2007 [Электронный ресурс] // МГИМО-Университет [Офф. сайт]. URL: <http://www.mgimo.ru/filesserver/books/rami4konvent/t1-tsygankov.pdf> (дата обращения: 05.06.2013).
17. *Albert M., Cederman L.-E.* System Theorizing in IR // *New Systems Theories of World Politics* / Ed. by M. Albert, L.-E. Cederman, A. Wendt. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2010. P. 3–22.
18. *Bertalanfy L. von.* General System Theory. Foundations, Development, Applications. N.Y.: George Braziller, 1968.
19. *Bull H.* La sociedad anárquica. Un estudio sobre el orden en la política mundial. Madrid: Los libros de la Catarata, 2005.
20. *Buzan B., Little R.* International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.
21. *Garton Ash T.* The Crisis of Europe. How the Union Came Together and Why It's Falling Apart [Electronic resource] // *Foreign Affairs* [Official website]. September – October 2012. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138010/timothy-garton-ash/the-crisis-of-europe> (accessed: 05.06.2013).
22. *Kessler O., Kratochwil F.* System Theory beyond Explaining and Understanding // *New Systems Theories of World Politics* / Ed. by M. Albert, L.-E. Cederman, A. Wendt. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2010. P. 23–42.
23. *Kornai J.* Anti-Equilibrium. Budapest, 1971.
24. *Perlo-Freeman S., Skons E., Solmirano C., Wilandh H.* Trends in World Military Expenditures, 2012 [Electronic resource] // Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI [Official website]. April 2013. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf> (accessed 05.06.2013).
25. *Rosenberg M.* Current World Population [Electronic resource] // *About.com*. [Web portal]. URL: <http://geography.about.com/od/obtainpopulationdata/a/worldpopulation.htm> (accessed: 05.06.2013).
26. *Sallmann J.-M.* Géopolitique du XVIe siècle. Nouvelle histoire des relations internationales. 1490–1618. P.: Editions du Seuil, 2003.
27. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979.
28. *Watson A.* The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis. L.: Routledge, 1992.